

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern. 0.70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 11 (367)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

11 Июня 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Эксперимент Блюма.
П. Гарви. Упорядоченная диктатура или демократический порядок.
С. Шварц. На родильном фронте.
Б. Сапир. Под знаком всенародности (О X-ом с'езде Комсомола).

А. Менес. Евреи и арабы в Палестине.
По России: Москва. — Слухи вокруг «новой конституции». — Скептики и оптимисты готовятся к войне. — Психологическая подготовка.
Из партии: Партийные отклики.
Почтовый ящик.

Фельетон: А. Цили о советском тюремном и ссылкам (окончание).

ЭКСПЕРИМЕНТ БЛЮМА

С затаенным дыханием пролетарская общественность всего мира следит за первыми шагами правительства Блюма.

Правительство это вступило во власть в необычайных условиях. В стране, тяжело потрясенной кризисом и длительной экономической депрессией, в стране, где со дня на день нарастают реакционные настроения, где фашистские отряды Де ля Рока стали завладевать улицей, и где 6-го февраля 1934 г. уже была произведена пробная репетиция фашистского переворота, — в этой стране искусной тактике пролетарских партий удалось реализовать крупную избирательную победу, открывшую дорогу коалиционному правительству партий Народного Фронта. Но политический под'ем, в необычайной степени поднявший самосознание народных и рабочих масс, и перспектива правительства, возглавляемого социалистической партией и безоговорочно поддерживаемого коммунистами, вызвали гигантскую волну экономического классового движения. В тот момент, когда Леон Блюм в качестве председателя Совета Министров с трибуны парламента оглашал правительственную декларацию, по всей стране грандиозной волной перекачивалась стихийная стачка сотен тысяч рабочих всех возможных отраслей промышленности. Бастовали предприятия, никогда еще не знавшие стачек. Примыкали к забастовкам и активно их поддерживали рабочие, не принадлежавшие никогда к профессиональным органи-

зациям или политическим партиям. С редким единодушием и энтузиазмом бастующие рабочие повсюду применяли новый, но быстро приобретший всеобщую популярность метод «мирной оккупации» предприятий. Машиностроительные и автомобильные заводы, фабрики с'естных припасов, грузчики и шоферы транспортных предприятий, газетные разносчики, служащие универсальных магазинов и аптек, — бесчисленные категории рабочих и служащих перестают выполнять свои функции, оставаясь, однако, у своих машин и станков, но парализуя всю экономическую жизнь, угрожая снабжению столицы и крупных городов. Перестали исправно работать парижские бойни, приостановилась подача горючего для автомобилей, забастовали грузовики Центрального Рынка, прекратилась развозка, а затем и печатание газет, поползли тревожные и панические слухи о предстоящей всеобщей забастовке. Население бросилось запасаться свечами, углем, водой, выросли хвосты у булочных и зеленых магазинов. Какая идеальная почва для возникновения паники, какое идеальное поле для зарождения реакции! Во всякой другой стране и во всякий другой момент дни 1-5 июня могли бы стать началом конца неродившегося еще правительства Блюма, моментом рокового поворота в общественном настроении и в соотношении сил. Но с той же спокойной и веселой уверенностью в своей непобедимости, с какой бастующие рабочие водили хороводы и плясали

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

карманьолу на захваченных предприятиях, — правительство Леона Блюма приняло из рук президента власть и выступило перед страной со своей знаменитой отныне декларацией 5-го июня. Стихийное массовое движение сотен тысяч рабочих, которое при других условиях могло бы оказаться источником слабости и гибели нового правительства, на деле оказалось источником его силы и условием его победы. Ибо не было и не возникло разрыва между этим движением и правительством Блюма. Ибо правительство это открыто и смело взяло на себя задачу быть выразителем и защитником этого движения. Ибо само это движение, в котором не было внутреннего разлада, не было розни между социалистами и коммунистами, между организованными и неорганизованными, базировалось на политическом подъеме, вызванном в рабочих массах приходом к власти социалистического правительства. Волна рабочего подъема, на гребне своем вынесшая к власти правительство Блюма, психологически и политически ослабила и парализовала сопротивление противников. Правительство Блюма оказалось хозяином положения. Оно смогло продиктовать условия перемирия между предпринимателями и рабочими. Впервые в истории Франции, — с оттенком изумленного почтения писала буржуазная печать, — Президент Совета министров собирает в своем дворце представителей капитала и труда для мирного улажения конфликта. Впервые в истории мирового профессионального движения, — отвечает вождь объединенных профсоюзов Леон Жуо, — можно зарегистрировать такую грандиозную победу рабочих требований. Восемь миллионов французских пролетариев одним росчерком пера получают ряд серьезных экономических улучшений: 40 часовую рабочую неделю, оплаченный отпуск, повышение заработной платы от 15 до 7%, гарантию коллективных договоров и прав профессиональной организации.

То, что в других странах и при других условиях потребовало бы долгих месяцев, а может быть и годов тяжелой борьбы, изнуряющих переговоров и торгов, бесконечной парламентской канители, правительству Блюма, поддержанному мощным массовым движением, удалось осуществить одним ударом. «Совершившийся факт», созданный активностью самих рабочих, был закреплен договором между Союзом Предпринимателей и Всеобщей Конфедерацией Труда, подписанным 7-го июня в кабинете Блюма. Он легализуется в законодательном порядке рядом срочно проводимых законопроектов, первую «пачку» которых правительство Блюма сдало в парламент уже 9-го июня.

Правительство Народного Фронта, правящее сейчас Францией, по своему составу и по своей конструкции является коалиционным. Но оно во многих весьма существенных пунктах сильно отличается от тех социалистически-буржуазных коалиций, которые мы наблюдали, напр., в Германии в предгитлеровский период. Там коалиции были выражением безысходности демократии и слабости республики, подрываемой коммунистической оппозицией слева и непрерывным ростом империалистической реакции справа. Там социалдемократия шла в коалицию «с отчаяния», загоняемая в тупик безответственной тактикой коммунистов и дезертирством буржуазного либерализма (и демократического крестьянства!) вправо, не ставя ей, по существу, никаких задач, кроме консервативно-государственных. И там социалдемократия была, поэтому — в особенности в разгар мирового кризиса — пленницей своих буржуазных парт-

неров — Центра и Народной Партии, которые навязывали ей свой «закон действия».

Насколько все это иначе во Франции 1936 года! Тут мощное движение Народного Фронта, возникшее из самоутверждения демократии в стране, проделавшей три революции, охватывает все без исключения левые группировки. Тут правительство Народного Фронта возглавляется и направляется социалистами и безоговорочно поддерживается коммунистами. Тут буржуазная демократия (и крестьянство) не дают себя загнать в объятия реакции призраком «красной опасности», а являются активным и действенным элементом «левого блока», идущего очень далеко по пути социальных и политических реформ. Тут социалистический глава правительства, в отличие от Германии Мюллера или Брауна, может себе позволить, не опасаясь «взрыва общественного негодования», и даже не вызывая смущения у буржуазных коллег по кабинету, публично заявить в трибунах парламента, что хотя «оккупация» фабрик является актом незаконным, он все-же никогда не примет репрессивных мер по отношению к бастующим рабочим. Тут, наконец, преодолен уже практически по крайней мере на данный период — раскол рабочего класса. Тут нет уж более «красных» и «свободных» профсоюзов, борющихся друг против друга, тут нет уже более коммунистов, «разоблачающих» «кровавых псов социал-фашизма», — и поведение Кашэна и Торреса, провозглашающих ура в честь Блюма и приветствующих Салангро, существенно отличается от тактики Клары Цеткин и Тельмана по отношению к Мюллеру или Северингу.

«Эксперимент Блюма» отличается от эксперимента Германа Мюллера, как Франция Народного Фронта отличается от умирающей Германской республики 1929-1930 гг.!

Вот почему неубедительны примитивные параллели между правительством Блюма и банальными коалициями. Вот почему в «эксперименте Блюма» заложены возможности, еще ни разу не испытанные и непроверенные. Вот почему социалисты и рабочие всего мира с затаенным дыханием следят за первыми шагами Блюма и от всего сердца шлют ему горячие пожелания успеха в опыте, который будет иметь, и в случае успеха и в случае своего крушения, неисчислимые последствия для всего мирового социализма.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIÉ, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журналов от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа

Упорядоченная диктатура или демократический порядок?

Сталинская «эпоха великих реформ» продолжается. Тоталитарный характер большевистской диктатуры предопределяет всеобъемлющий характер этой реформаторской деятельности. От галстука до оперной партитуры, от школьных учебников до аборт, от иерархии военных чинов до избирательного права, — все попеременно становится объектом «любовного внимания» и реформаторской деятельности Сталина. Армия и милиция, суд и комсомол, школа и семья, колхозный устав и советская конституция — все подлежит радикальной ревизии. Характерный для первой пятилетки стук молотков «социалистической стройки» сменился во второй пятилетке скрипом перьев, строчащих декреты об основательной переделке всего, наэкспериментированного в годы «безумства храбрых», об упорядочении диктатуры, ищущей новых основ и новых форм для своего увековечения, короче — о реформе революции, переходящей в ее ревизию.

Субъектом этой лихорадочной деятельности неизменно остается диктатура, персонифицированная «вождем народа». Власть утверждает, правда, другое, чтобы скрыть от трудящихся истинное положение вещей, создавшееся в «царстве социализма» на 19-ом году революции. Так «Правда» от 26-го мая, комментируя свыше развязанную дискуссию по вопросу о запрещении абортов, пишет:

«Только в нашей стране, в стране подлинной демократии, а не буржуазного лицемерия, возможно, чтобы правительство, подготовив важнейший закон, прежде чем утвердить его в законодательных учреждениях, проверило правильность и своевременность его у самих трудящихся. Это возможно только в нашей стране, где так безграничны любовь и доверие народа к своему вождю, товарищу Сталину, и где само правительство, вышедшее из народа и опирающееся на народ, неизменно пользуется его поддержкой, помощью и советом».

Точно в любой буржуазной стране с демократическим режимом законопроекты правительства по всем решительно вопросам не подвергаются предварительно свободному обсуждению в печати, на публичных собраниях, в общественных организациях! И точно «в нашей стране, стране подлинной демократии» власть, на самом деле, передает на предварительное свободное обсуждение самих трудящихся все важнейшие законопроекты! Что может быть важнее реформы советской конституции, а ведь решение об этой реформе первого ранга было, как известно, поднесено прошлогоднему съезду советов «на утверждение» в порядке приятного сюрприза, а самый проект конституции, выработанный кейно, в тайниках кремлевских комиссий, одобрен ЦК ВКП на только что закончившемся июньском пленуме, что на практике предопределяет его единогласное «утверждение» на специально созываемом съезде советов. Так в действительности обстоит дело с предварительным обсуждением правительственных законопроектов массами. Но верна, видно, турецкая поговорка, которую приводит Ашик-Керим в известной сказке Лермонтова: «Кто начал лгать с утра, принужден лгать до самого вечера»...

Нет, «великие реформы» подготовляются и осуществляются в стране советов не в порядке «подлинной демократии», а в порядке заскоруждого исконного бюрократизма: сверху вниз. В своих знаменитых «Письмах без адреса» Чернышевский, бичуя метод подготовки великих реформ 60-х годов, с изумительным мастерством вскрыл сущность всемертвящего

бюрократического порядка, ныне воскрешенного и усиленного стократно тоталитарной диктатурой большевиков. «При бюрократическом порядке, — писал Чернышевский, — совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело. Люди эти действуют как машины, у которых нет своего мнения... Созываются люди, чтобы рассмотреть дело; но с первого же раза им предлагают заключения, которыми уже решается все дело... И эти лица принимают предлагаемые им решения... Против силы этого бюрократического порядка ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял в самой главе всего управления. Вы хотите только спросить, ваш вопрос принимается за решение; вы хотите посоветоваться, и ваши слова принимаются за приказание; вы ищите опоры, — все, до чего вы касаетесь, гнется перед вами».

Такова сущность, такова логика, такова безысходность бюрократического порядка и в советском государстве — какими бы ширмами «рабочей демократии» и «самодельности трудящихся» он ни прикрывался. Ленин определял советский строй, как «пролетарское государство с бюрократическим извращением». При Сталине последние реальные признаки пролетарского государства исчезают зато «бюрократическое извращение» превращается в государственную систему. Вот почему, кстати, безнадежной и бесплодной оказывается перманентная борьба большевистской диктатуры от Ленина до наших дней с чудовищным бюрократизмом сов-аппарата. И вот почему обречена на неудачу и последняя попытка в этом направлении — утвержденное Совнаркомом постановление Комиссии Советского Контроля от 26 мая «О рассмотрении жалоб трудящихся».

Бюрократизм неотделим от автократии, а диктатура есть только разновидность автократии. Комментируя постановление 26 мая, «Правда» (30.V) правильно замечает, что «массовый контроль снизу над работой всех органов управления, жестокая и суровая критика масс — лучшее лекарство от бюрократических недостатков аппарата». Передовик «Правды» только прикидывается непонимающим той азбучной истины, что этот «массовый контроль снизу» и эта «жестокая критика масс» предполагают политические условия, полностью отсутствующие в Советской России.

**

Бюрократический характер сталинского реформаторства в значительной мере предопределяется, таким образом, самим существом тоталитарной диктатуры. Гораздо сложнее вопрос о политическом смысле этого реформаторства, о его причинах и возможных последствиях.

Официальная версия сводится, как известно, к утверждению, что успешное завершение социалистической стройки в городе и деревне привело будто бы к ликвидации классовых делений, а тем самым — к необходимости приспособить всю идеологическую, бытовую, юридическую и политическую «надстройку» к «базису» социалистической экономики и бесклассового общества. При этом утверждается в качестве предпосылки то, что отнюдь не представляется доказанным: социалистический характер советской экономики и бесклассовый характер советского общества.

Но этот софистизированный марксизм «продолжателя Маркса - Энгельса - Ленина» свидетельствует лишь о его боязни и нежелании притронуться скальпелем подлинно марксистского анализа, как к соб-

ственному «сознанию», так и к определяющему это сознание «бытию» советского общества на излете генеральной линии. Раз что «скачек из царства необходимости в царство свободы» уже сделан, раз эксплуатации человека человеком положен конец, раз классов нет, — какой же тут классовый анализ? Социология упраздняется — за ненадобностью. Сверху навязываемый идеологический конформизм (никаких уклонов!) и полное политическое распыление 170-миллионного народа (никаких партий и фракций!) выдаются за доказательство перехода к бесклассовому обществу.

Но это бесклассовое общество как то незаметно, само собой, под рукой, все больше подменяется и заменяется понятием родины. В этом понятии родины растворяются классы, «прослойки», социальные различия. Патриотизм, переходящий все больше в перекрахмаленный национализм, окрашивает сейчас все советское бытие: «О любви к родине говорят в речах, о ней слагаются стихи, о ней поют в народных песнях. Как новое и сильное чувство, оно требует достойного выражения» («Правда», 22 мая). Отсюда заглядка в прошлое русского народа, отсюда поиски исторических предков для новых хозяев русской жизни, отсюда связывание «непреклонной воли советских людей к борьбе за коммунизм» с их «психическим складом», с «национальным характером, в выработке которого участвовали прошлые поколения».

Социалдемократия никогда не стояла на позиции космополитизма. Будучи интернационалистической, она не отрицала понятия родины, в которое каждый класс вкладывает, однако, свое содержание. В частности, российская социалдемократия прекрасно понимала, что в былом равнодушии русских народных масс к судьбам целого, в их безродинности повинны были поддерживаемый царизмом низкий уровень гражданственности и скудная сумма культурных, правовых и материальных благ, которые в сознании и чувствах масс связываются

с понятием родины, не покрываемым, конечно, барабанными эмоциями и ландшафтом «родных берез». Революция в России, как и повсюду, была процессом становления нации, в частности, потому, что создавала ценности («завоевания революции»), которые наполняли для низов формулу и форму родины конкретным позитивным содержанием, и еще потому, что вовлекала народную толщу в дело государственного строительства, тем самым делая для народа государство своим.

Но стихия национализма, развязываемая сейчас Сталиным, имеет еще и другие истоки, другие стимулы. Она переплетается с рядом сложнейших процессов, происходящих под одноцветной крышкой «бесклассового общества». Упразднение Сталиным социологии не упразднило молекулярных процессов перерождения тканей советского общества. Выделение и формирование новых привилегированных социальных слоев идет безостановочно в городе и деревне. В идеологии «советского патриотизма» эти новые слои находят удобное орудие для своего самоутверждения и для своей «смычки» с низами, из которых они вышли, с одной стороны, с властью, которую они рано или поздно хотят поставить себе на службу (или сменить), с другой. Нет, в Советской России есть еще место для социологии, а где есть место для социологии, там есть место и для политики...

Политика и диктует сейчас власти усиленное развязывание национальной стихии в целях внутри- и внешне-политических. Превращение Сталина из вождя партии в «отца отечества» знаменует собою одновременно и эмансипацию диктатора от контроля формального «правящей» партии, и прокладывание эмоционального моста от единодержавного вождя, вокруг которого со стихийной силой сплывается новое правящее сословие, к широчайшим народным слоям многоплеменной и разноязычной Советской России. Но и бо...

По советским тюрьмам и ссылкам (Окончание)

Теперь несколько слов о других группах.

Грузинские социалдемократы, поскольку я смог познакомиться с ними в изоляторе и ссылке, в своем большинстве являются фактически буржуазными демократами и только в меньшинстве социалдемократы. Но это не должно мешать сказать правду о подавлении грузинского восстания в 1924 г. Подавление это сопровождалось невероятными жестокостями, провокациями, массовыми расстрелами без всякого суда и следствия, причем расстреливали людей, еще до восстания находившихся в тюрьмах и никакого отношения к восстанию не имевших. Это было мщение, достойное Аттилы и Чингисхана, но не имевшее ничего общего с пролетарской политикой и пролетарскими методами борьбы. Независимо от любого отношения к самому восстанию и к общей политике грузинской социалдемократии, элементарный долг правды, демократичности и человечности требует полного отмежевания от этой кровавой бани, организованной тогда Сталиным и Орджоникидзе.

Правду об этом восстании я узнал от многочисленных грузинских коммунистов - оппозиционеров, находившихся в изоляторе и бывших в свое время свидетелями, а отчасти и участниками подавления восстания. Это одна из многочисленных тяжелых правд, которые я узнавал в тюрьмах и ссылках о теперешней России... Да, без путешествия по тюрьмам и ссылкам не получишь верной картины «новой России»...

Из левых эсэров помню в Верхне-Уральском

изоляторе Самохвалова и Сою Луину (Тамбова, в последний раз арестована в Ленинграде в 1930 г.). Самохвалов приехал в изолятор из Обдорской ссылки, теперь он в ссылке на Урале. Позже в ссылке встретил в Красноярске Межницкого (кажется, правильно запомнил его фамилию, он полтавец) и в Енисейской — Галю Луину с братом, Святославом (они оба из Орла). Из лево-эсэровских лидеров в Архангельске находится Камков (игравший большую роль в Уфимском приходе коалиции левых эсэров с большевиками) и в Уфе — Мария Александровна Спиридонова, легендарная героиня русского революционного движения, проводившая из своих 50 лет больше 25 на каторге и в ссылке.

Велико было мое удивление, когда я узнал, во-первых, что между правыми и левыми эсэрами расхождение больше, чем между меньшевиками и большевиками; во-вторых, что левые эсэры относились отрицательно к нему, как к реформе буржуазного характера; в-третьих, когда увидел фактическую близость их умеренного крыла к троцкистской позиции, а их радикального крыла к позиции «децистской» и синдикалистской. По сути, левые эсэры стоят за октябрьскую революцию, во всех своих теоретических и тактических взглядах исходят из признания этой революции, являются ярыми противниками восстановления буржуазной собственности буржуазно - парламентского строя, — одним словом, хотят идти от октябрьской революции вперед, а не назад. Ничью позицию, кажется мне, официальная ком...

лее непосредственно спешное формирование соборной советской нации и развязывание стихии советского национализма вызываются все усиливающейся военной опасностью. Культ родины имеет и внешне-политическую функцию поднятия военно-политического потенциала страны советов. Ведь и колокольный звон, разрешенный ныне в целях замирения с религиозной частью крестьянства, из колхозов переливающегося миллионными на городские заводы, является элементом военно-политической подготовки и звучит не как благовест мира в бесклассовом обществе, а как предвестие железного грохота грядущей войны.

**

Тем же переплетением внешне-политических необходимостей и принудительно навязываемых диктатуре побуждений внутреннего порядка определяются стремительный темп, содержание и направление всей реформаторской деятельности Сталина за последние два года. Поиски более широкой социальной основы для диктатуры, все больше отрывающейся от вынесших ее на поверхность классов; стремление сохранить позиции диктатуры путем уступок идеологического, бытового, юридического и даже формально-демократического порядка по формуле: права без свободы; неформальное, но непрестанное давление низов, понемногу выходящих из отупения полуголодного существования и все более болезненно ощущающих непереносимость режима бюрократического хаоса и административного произвола; наконец, обволакивающее и требовательное влияние новых социальных верхов, всех этих «устроившихся революционеров», жаждущих правового закрепления, обретенного ими мешанского благополучия, — все это, вместе взятое, сгустилось, наконец, в повелевающую необходимость упорядочения диктатуры. Создать правовой строй

без свободы — такова задача, которую ставят себе реформаторы от диктатуры. Воистину, задача квадратуры круга!..

**

Нам не раз приходилось отмечать за последние два-три года бесспорно положительные элементы в целом ряде мероприятий советской власти, систематически и по всей линии ликвидирующих безоглядное экспериментаторство и «левацкие заскоки» второй молодости большевистского утопизма, связанной с именем Сталина. Власть торопливо сжигает то, чему поклонялась вчера, и поклоняется тому что сжигала вчера. Откат от вчерашних левацких перегибов далеко не всегда является при этом возвратом к тому, что отвечает подлинным интересам трудящихся масс. Нередко имеют место явно реакционные перегибы в обратную сторону (напр., возврат к делянщинине в области школьного дела, варварское законодательство о борьбе с детской распущенностью и преступностью и т. п.). Но эти перегибы, симптоматичные для попятнического умонастроения большевистских реформаторов, не должны затенять то положительное, что ныне вносится — по крайней мере, юридически — в советскую жизнь.

За самое последнее время к этой серии реформ присоединились три новых. Одна из них — это реформа семейных и брачных отношений. — Не менее важны — и симптоматичны — две другие. Первая касается борьбы с административным произволом, вторая — реорганизации судебного ведомства и пересмотра уголовного кодекса.

В постановлении Комиссии Советского Контроля от 26 мая, утвержденном Совнаркомом, следует особенно отметить запрещение увольнений и отказов в приеме на работу по таким мотивам, как социальное происхождение. Вместе с раньше объявленной отме-

мунистическая печать не искажает так сильно, как лево-эсэровская.

Страшно подумать: какое явление в Советской России ни затронешь, всюду раскрывается лживость официальной идеологии. Официальный, бюрократический коммунизм совершенно изолгался. Испытанный прием сознательной и наглой лжи, фальсификации, клеветы, в таком изобилии применяемый в борьбе с Троцким, применяется и ко всем остальным противникам, справа и слева. Террор, сознательная ложь и клевета — вот основные приемы «идеологического воспитания», проводимого бюрократическим коммунизмом. Чтобы двинуть вперед рабочее движение, нужно будет прежде всего освободить от этих приемов идейную борьбу в рабочем движении.

Правые эсэры встречаются редкими одиночками. Знаю только, что в г. Аляма-Ата находился в свое время виднейший их представитель Гоц; в Нарыме несколько «цекистов». В 1932 г. умер в Челябинском изоляторе один из с.-р. цекистов. Осенью 1935 г. одного правого эсэра ГПУ провезло через Енисейск в заброшеннейшее местечко Тура, около 1000 км. восточнее Туруханска, где только 2 месяца в году существует связь с миром...

Из анархистов, кроме Сергея Тужилкина, помню по фамилиям из изоляторцев, Смирнова, бывшего комсомольца, и Любимову (москвичку). Из ссыльных помню десяток человек. Среди них были: Батрак, студент московского университета, бывший комсомолец, замучен в Туруханске; только уже непосредственно перед смертью ГПУ согласилось превести его на юг, в Ташкент; Ионя Варшавский, ста-

рый одесский анархист, отбыв последнюю ссылку в Туруханском крае, в 1934 году был освобожден и затем вскоре снова арестован; Бармаш, старый анархист, агроном по профессии, был в 1934 г. арестован в Енисейской ссылке и повторно отправлен в Верхне-Уральский изолятор, где находится и теперь. Часть анархистов является исключительно боевой и товарищеской публикой, они присоединяются к любой борьбе против администрации какой-угодно из остальных групп. В случае голодовок — явления довольно частого в советских тюрьмах и концлагерях (в Верхне-Уральском изоляторе, напр., в 1928-34 гг. было пять крупных голодовок), — сравнительно большое число смертных случаев бывает именно среди анархистов. В голодовке в Мариинском концлагере в 1934 г., напр., было два таких случая. Нужно отметить два интересных явления, встречающиеся у анархистов: 1) заметная часть анархистов состоит из бывших коммунистов, в особенности комсомольцев, чего в других социалистических группировках почти не встречается; 2) в то время, как социалистические и коммунистические группы (за исключением сионистов - социалистов) состоят из людей, вошедших в движение в 1917 г. (а некоторые и еще раньше), в гражданскую войну и в начале Нэпа, — у анархистов имеется некоторая (небольшая) более молодая поросль более позднего и свежего набора. После троцкистов анархисты, по числу, активности и боевому темпераменту, самая заметная часть населения советских тюрем и ссылок. Эти две группы составляют теперь подавляющее большинство политических заключенных в концлагерях.

О коммунистах-оппозиционерах (троц-

ной ограниченной приема в учебные заведения по признаку социального происхождения это новое постановление ликвидирует один из самых тягостных пережитков эпохи гражданской войны и социального неравенства навыворот. Следует приветствовать и ряд других пунктов постановления от 26 мая: запрещение отказа в приеме на работу по таким мотивам, как судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п.; недопустимость огульных взъятий и репрессий по чисто формальным мотивам; запрещение незаконных, противоуставных исключений из колхозов, принявших в последнее время угрожающий массовый характер; недопустимость самовольных чисток аппарата; запрещение «секретных характеристик» и т. д.

Эту борьбу с административным произволом предполагается подкрепить основательной реформой суда и пересмотром процессуальной и материальной части уголовного кодекса РСФСР и других союзных республик. В «дискуссионной» статье прокурора СССР Вышинского («Известия», 1 июня) реформа суда и пересмотр уголовного кодекса мотивируются необходимостью согласовать устаревший судебный порядок с новой советской конституцией, проект которой, как сказано выше, уже одобрен только что на июньском пленуме ЦК ВКП. Как далеки новые планы судебной реформы от «революционных трибуналов» лево-эсэровского наркомюста Штейнберга, от «Стучкина суда» эпохи военного коммунизма, судившего «по законам революционной совести», даже от реформированного Шемякина суда Крыленок и Вышинских, свое наиболее яркое выражение нашедшего в инсценировке вредительских и показательных процессов! Предполагается ввести выборность судей прямым и тайным голосованием, разграничить функции судебного ведомства и милиции, улучшить организацию следственного дела, реорганизовать камеру предания суду, расширить права защиты и т. п. В новом уголовном кодексе должны быть последовательно про-

ведены такие основные понятия, как интерес родины, охрана семьи, защита детей, охрана общественной собственности, охрана личных прав. Дело идет, повидимому, о кодификации тех декретов, которые в последнее время издавались в порядке несвязанных друг с другом фрагментов. И тут пред нами попытка осуществить «заботу о человеке», о советском гражданине, путем юридического оформления его положения в обществе и государстве, но без установления автономной от государства сферы личных прав и свобод, возможной только при отказе от режима террористической диктатуры и переходе к режиму политической свободы. И тут — квадратура круга.

**

Но и независимо от явной утопичности попытки установить правовой режим при сохранении тотальной диктатуры на плебисцитарной основе, — новое законодательство отличается противоречивостью и неясностью своего целеустремления. Каков политический смысл этого реформаторства на излете революции? В чем философия эпохи, носящей имя Сталина? Что это — «утрясение революции», «самотермидорство» или очередная «передышка»?

Все эти три варианта, три тенденции, три настроения борются в советской действительности и в сознании самонадеянных демиургов, творящих историю революционной России. Вот почему одни и те же мероприятия власти, одни и те же реформы, одни и те же планы преобразования могут приобрести различное значение и иметь различный эффект при завершении революции тем или иным вариантом развязки.

Перманентная революция существует только в воображении Троцкого, который неизменно измеряет температуру пролетариата, щупая свой собственный пульс. Всякая революционная встряска кончается, сменяясь

кистах и более радикальных группах: сапроновцах и мясниковцах) я сделаю здесь только несколько общих замечаний, — более подробно я писал об этом в другом месте — в органах коммунистической оппозиции.

Пятилетка с ее грандиозной индустриализацией и коллективизацией ставила очень остро перед русской коммунистической оппозицией много политических и социальных проблем. Старшее поколение оппозиции, считало, как известно, пятилетку достаточным поворотом «влево», чтобы вернуться в официальную партию, хотя бы и ценой формальной капитуляции. Но и то младшее поколение (вошедшее в политическую жизнь в 1917-21 гг.), которое осталось в оппозиции и которое я встретил в изоляторе и позже в ссылке, было ошеломлено, как и вся Россия, пятилеткой. Изоляторские коммунисты — 140-180 человек, из коих 85% троцкистов — распались на множество групп и группочек, пытаясь осмыслить происходящее и определить новые задачи оппозиционного движения. Появился десяток оппозиционных журналов, было исписано огромное количество бумаги. По поводу всякого более крупного события писалось 5-6 солидных статей. На всех коммунистических прогулках обсуждались различные платформы (изоляторские или документы Троцкого и Раковского, нелегальным путем попадавшие в изолятор), организовывались дискуссии, письменные и устные. Тут было много лишнего и много повторений, но в общем эта работа себя оправдала: в 1933-34 гг. при окончательном определении итогов (экономических, социальных и политических) пятилетки троцкисты нашли снова общую базу и объединились в одну политическую организацию, с одним журналом. А 20-30 че-

ловек более радикальных взглядов, так называемые крайне-левые или ультра-левые тоже объединились в общую «федерацию левых коммунистов». На стороне последних были и мои симпатии, в связи с чем я и выступил в 1932 г. из группы Троцкого. Но вышел я из изолятора (в мае 1933 г.) еще до образования новых организационных объединений, как «вне-групповой».

Присматриваясь в изоляторе к младшему поколению, оставшемуся в троцкистской оппозиции, к его характеру, к его подходу к вопросам, я твердо пришел к убеждению, что эти кадры капитулировать не будут. Дальнейшие наблюдения и события это подтвердили особенно, опыт с капитуляцией Раковского: он ушел совершенно один. Можно сказать и больше: не только капитулировавшие оппозиционеры, но и все, что есть вообще более приличного в аппарате, все, что сохранило еще сколько-нибудь от старых идеалов в коммунистической партии — все это сочувствует — в той или иной степени — оппозиции Троцкого. Все эти солидные бюрократы служат как бы 5 дней Сталину, громят, как полагается, на собраниях «троцкизм», а на 6-й день, одевшись чисто и отдыхая, вспоминают и мечтают о — Троцком, о своем лучшем прошлом. Я часто удивлялся, как распространено это явление. Сила, как и слабость, троцкистской оппозиции в силе аппаратных симпатий к ней. Я этим не хочу сказать, что троцкистская оппозиция не сможет, когда вновь проснется активность рабочей массы, найти ту или иную опору там, но сегодня рабочий класс России политически пасивен и на политической поверхности действуют заметно только те группы, которые имеют ту или иную опору в аппарате. Группы, которые объявляют войну всей

«органической эпохой» освоения и развития начал нового, более или менее устойчивого, «порядка»; всякая революционная ломка завершается постройкой нового здания социальных и политических отношений, на основе нового соотношения классовых сил. Но такое «утрачение революции», такое утверждение нового порядка, если устранить вариант реставрации, возможно в двух формах: или в форме планомерного завершения революции общественными классами, в ней победившими и свою победу в свободном соразмерении сил на основе демократии закрепляющими, или в форме контр-революции, выходящей из самой революции (бонапартизм), когда диктаторская власть, рожденная революцией, завершая цикл своих последовательных перерождений, возвышается над взаимно обесиленными классами общества и в роли безапелляционного арбитра заканчивает революцию компромиссом между старым и новым, — компромиссом, который она насильственно навязывает всем обесправленным общественным классам.

Какой из этих двух вариантов разыгрывается в Советской России? По внешним признакам — первый. За это говорят во многом разумные мероприятия последнего времени, реформа конституции, косвенно — тактический поворот Коминтерна. Но по существу, превыше всего ставя самосохранение диктатуры и подбирая себе подходящую для этого социальную опору, Сталин — независимо даже от своих субъективных намерений и от сохранившегося у него за душой запаса социально - революционного утопизма — влечется все больше на путь «самотермидорства».

Но именно на этом пути Сталина подстерегает та самая «перманентная революция» Троцкого, которую он отвергает теоретически и которую он хочет ликвидировать практически — всей совокупностью своих завершающих революцию «великих реформ». Не знаем, со-

знательно ли Сталин рассматривает новую эру уступок крестьянству, правовых реформ и конституционной перестройки, как передышку — до нового наступления. За это говорит его недавнее высказывание о том, что следующим этапом борьбы должен явиться переход от социализма к коммунизму, от распределения по труду к распределению по потребностям. Но и независимо от субъективных намерений Сталина и его окружения, неразрешимое противоречие между заинтересованностью трудящихся масс в демократическом завершении революции и властным интересом самосохранения диктатуры будет каждый раз прерывать передышку, объявляемую всерьез и надолго, и каждый раз ставить диктатуру перед выбором между скатыванием к заурядному бонапартизму или даже современному фашизму на государственно - капиталистической основе, с одной стороны, и конвульсивными прыжками по непроезжей дороге «перманентной революции», с другой.

Какой выбор сделает Сталин, а с ним вместе и тот облупленный серый «монумент», что служит ему безгласным пьедесталом, навсегда утратив характер политической партии, — этого мы не знаем. Гораздо важнее, однако, чтобы выбор сделали трудящиеся массы города и деревни, и прежде всего — рабочий класс. Все возможности, создаваемые перестройкой правовых и конституционных норм, должны быть использованы, чтобы политика перестала быть монополией власти, чтобы превратить утопическую мечту Сталина об упрямой диктатуре в реальность демократического порядка, открывающего возможность эволюции к подлинному социализму.

П. Гарви.

бюрократии, левой и правой, которые хотят опираться только на рабочую массу, поэтому крайне слабы.

Упомяну еще об одной группе — социалистической. В период Нэп'а, в 1922-26 гг., в еврейских местечках Украины и Белоруссии, пораженных тяжелой безработицей и экономической безвыходностью, возникло массовое социалистическо-сионистское движение молодежи. В ссылке я встретил много этой молодежи, в большой своей части очень идеалистически настроенной. Летом 1935 г. умер в Енисейской ссылке один из симпатичнейших представителей этой молодежи, тов. Исая Итин. Десятилетнее преследование ГПУ до конца исчерпало его физические силы; достаточно было небольшого заболевания, чтобы болезнь осложнилась и быстро наступила смерть.

Два последних года (от сентября 1933 по декабрь 1935 г.), которые я провел в ссылке, в Красноярске и Енисейске (побывав «по дороге» и в Челябинской и Иркутской тюрьмах), дали мне много практических наблюдений. Я имел возможность познакомиться не только с бытом ссылки, но и с жизнью всего общества новой и новейшей России — посленэповской, «бесклассовой» и «закиточной».

Теперь я уже получил точное представление о жертвах, которые пришлось понести крестьянству и всему трудящемуся населению в период первой пятилетки: сибирские дороги, сибирские леса были усеяны — не только в переносном смысле этого слова! — костями высланных крестьянских масс, предоставленных холоду и голоду. Немногим лучше жилось и рабочим. Все отдавалось на капиталовложения, на экспорт, на армию,

на привилегии бюрократии. В 1932-33 гг. страна буквально голодала. Мертвые валялись по улицам, милиция в Енисейске обходила каждое утро город и подбирала умерших и замерзших на улицах. В деревнях Украины, Северн. Кавказа и Средн. Азии людоедство было если не прямо массовым, то, во всяком случае, широко распространенным явлением. Тиф и другие болезни распространялись широкой волной. Рабочие, получая жалкий паек, не погибали, правда, непосредственно от голода, но вымирали от разного рода болезней, эпидемий, от общего истощения. Зимой 1932-33 гг. кризис дошел до крайности. Тянуть дальше значило бы вызвать катстрофу. Вся страна ждала дворцового переворота. Амальгама оппозиций должна была свергнуть Сталина. Своевременным поворотом политики весной 1933 г. Сталин спас свой режим, укрепил его и открыл «новую эру».

Экспорт с'естных припасов прекратился, да и весь сельскохозяйственный экспорт сильно уменьшился. Хлеб, масло и остальные продукты питания оставались в стране и государство начало продавать их населению. Правда, дорого, по «коммерческим» ценам, но возможность получить хлеб, хотя бы и по 2-3 рубля за килограмм, казалась великим облегчением: ведь раньше он стоил 10 и даже 15 рублей. Масло стало стоить 30 рублей, вместо прежних 50. В течение двух лет — с осени 1933 по осень 1935 г. — эти цены снизились наполовину, хлеб уже стоил 1-2 рубля килограмм, масло — 14-16 руб. В это время месячный оклад квалифицированного рабочего составлял 200 рублей, неквалифицированного — 100; а служащие получали вдвое, втрое или даже в пять раз больше рабочего.

На родильном фронте

Кристаллизация в Советском Союзе пореволюционно-го общества с его новой социальной иерархией и новой общественной психологией сопровождается на социальных верхах растущим отталкиванием от вчерашнего дня. Культурно-политический ревизионизм становится лозунгом эпохи. Развитие это направлено формально против вчерашних «крайностей», но в действительности далеко перехлестывает за эти пределы и посягает нередко на самое существо идей и мероприятий, вошедших в жизнь за годы революции.

Новейшей жертвой этого развития явилась ненаказуемость аборта. Когда почти в самом начале революции фактически, а с 1920 г. и формально была упразднена наказуемость «вытравления плода» и государство поставило себе задачей облегчить широким слоям населения возможность осуществления аборта в любой обстановке, — мероприятия эти встречены были в широких слоях трудящегося населения — и не только в России, но и за границей — с горячей симпатией. Точно тяжелое бремя свалилось с плеч у миллионов женщин, которых старое законодательство толкало на путь тайного аборта со всеми его тяжелыми и часто роковыми последствиями. Правда, благодаря недостаточной осведомленности широких слоев населения и особенно молодых женщин о возможных неблагоприятных последствиях аборта, недостаточному вниманию к вопросам предупреждения беременности и характерному в те годы для руководящих кругов коммунистической общности крайне легкому отношению к проблемам взаимоотношений между полами и к проблеме аборта — свобода аборта привела на практике к громадному росту числа легкомысленных аборт, за что сотни тысяч, может быть, миллионы женщины годы и годы тяжело расплачиваются. Поэтому в специальной печати (в ча-

стности в советской медицинской прессе, приблизительно начиная с 1927 года) уже в течение многих лет раздавались голоса, требовавшие принятия мер к сокращению числа аборт, главным образом путем энергичной анти-абортной пропаганды и в особенности путем популяризации мер по предупреждению беременности. Но, кажется, ни разу за все истекшие годы не раздалось чьего-либо голоса в пользу отмены или хотя бы резкого ограничения принципа ненаказуемости аборта.

Опубликованный 26-го мая во всех больших советских газетах законопроект «о запрещении аборт» решительно порывает с этой традицией. Аборт отныне преступление. Исключения из этого правила очерчены очень сурово: производство аборта допускается исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины и только в обстановке больниц и родильных домов». Не допускается и мысли об оправдании аборта иными мотивами — экономическими, бытовыми (напр., наличием уже в семье нескольких детей), гигиеническими (напр., тяжелой передающейся по наследству болезнью одного из родителей) и т. п. В этом отношении законопроект по своей строгости может конкурировать с законодательством самых «благочестивых» стран, так как нет в мире страны, в которой аборт был бы запрещен, даже если продолжение беременности угрожает жизни или создает непосредственную угрозу тяжелого (!) ущерба для здоровья беременной.

Авторы законопроекта пытаются обосновать его ссылкой на декрет 1920 г., будто бы лишь временно установивший ненаказуемость аборта, «пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические ус-

В то же время, с лета 1933 г., колхозникам стали оставлять самый необходимый минимум для существования. Затем разрешили приусадебное хозяйство. Колхозный базар вырос. Колхозник начал работать. Колхозная система укрепилась, хотя крестьянство не отказалось еще окончательно от мысли освободиться от этих цепей.

Наконец, темпы промышленного строительства начали снижаться. Доля капиталовложения в легкую промышленность была увеличена.

С животной радостью население набросилось на еду, а затем на удовольствие. Миллионы могил обросли свежей травой, они стали исчезать из поля зрения официального общества. И последнее начало поклоняться новому божеству — белой булке и фокстротту.

После всего этого — «жить стало легче».

Действительно, мертвые по улицам уже не валяются, людоедство прекратилось, эпидемии тоже. Новые фабрики-гиганты и машинотракторные станции работают. Но для рабочего жизнь осталась тяжелой. Рабочий мало получает, он мало может купить. Магазины полны товаров, но они ему недоступны, их покупает бюрократия, «партийные и беспартийные большевики» Сталина. Новая Россия — это царство бюрократии; новейшая — царство примиренной партийной и беспартийной (спецовской) бюрократии. Для них идет эта новая, легкая, радостная, культурная и зажиточная жизнь...

Рабочий класс при распределении житейских благ оказывается обойденным. Это результат его бесправия в процессе производства. Весь процесс организован бюрократией. Управление трудом и распоряжение средствами производства находится целиком в руках бюро-

кратии. Не рабочие нанимают, увольняют, определяют жалованье «своим» служащим, а служащие, бюрократия, нанимают, увольняют, и определяют жалованье своим рабочим. Не рабочие определяют общие планы и принципы строительства и производства, а бюрократия. Рабочие только исполнители. Система наемного рабства, против которого Маркс метал громы и молнии, в полной силе...

Настоящее России определяется этим антагонизмом между бюрократией и рабочим классом. Борьба между ними заполнит будущее.

Наличие непримиримого социального антагонизма бюрократией становится для рабочего класса России все более ясным по мере того, как выясняется технико-экономический успех пятилетки. Рабочие России не говорят иначе, как «мы» и «они». «Третьего» — частного капитала — что могло бы затушевать антагонизм — уже нет как крупной, серьезной силы. После осознания положения рабочим классом, наступит — раньше или позже — и момент его действия...

Но значительная часть рабочего класса, преимущественно из бывших крестьян (на 80-90% не кулаков) находится и формально в подневольном, полурабском положении. Еще теперь в Сибири, на Урале, в Средней Азии, в Северной России — в концлагерях, в ссылках, на строительствах дорог, в лесной промышленности, в шахтах и т. д., находятся миллионы людей, выполняющих подневольный труд. Вся лесная промышленность России базируется на подневольном труде. Золотодобыча базируется в высокой степени на подневольном труде. «Освоение Севера» совершается трудом подневольных людей. Советская «линия Мажино», гранди-

ловия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию». Больше того: в защиту наказуемости аборта в законопроекте цитируется статья Ленина, «восставшего» будто бы «против аборта» и считавшего будто бы «явно недостаточными для борьбы с абортом только запрещающие аборт законы». — Эти фальсифицированные цитаты, получившие сейчас, благодаря усердию иностранной коммунистической печати, очень широкое распространение, радостно подхвачены всюду святошами культурно-политической реакции, берущими сейчас реванш за многолетние огорчения по поводу ненаказуемости аборта в Советском Союзе.

В действительности весь декрет 1920 г. был построен на принципе ненаказуемости аборта, установленном навсегда и бесповоротно. Декрет предвидел при этом в отдаленной перспективе постепенное естественное отмирание аборта — по мере упрочения социалистического характера общества. Пока этого нет («пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего» и т. д. — эти именно слова и цитируют все авторы новейшего законопроекта), государство ставит себе задачей обеспечить беременным возможность аборта в больничной обстановке. При этом особо подчеркивается, что борьба с абортами (т. е. борьба мерами репрессии) является «совершенно бесцельной».

Не менее груба фальсификация Ленинского текста. В 1913 г. в статье «Рабочий класс и неомальтузианство» Ленин резко выступил против попыток навязать рабочему классу «социальное учение мальтузианства», видящее спасение от социальных зол в ограничении рождаемости. Но в той же статье Ленин со всей решительностью выдвинул требование «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт», подчеркнув, что вопрос этот — вопрос об «охране азбучных демократических прав гражданки» (т. XVI, стр. 489-490). А

сейчас авторы законопроекта — путем заведомо недобросовестной ссылки на эту самую статью — пытаются зачислить Ленина в поборники наказуемости аборта!

Советская печать сейчас усиленно разрабатывает тему о разрушительном влиянии абортотворения на женский организм. Но разве система суровых репрессий приводит к уничтожению абортотворения? Ведь даже и до сих пор, при свободе аборта в больничной обстановке никак не удавалось добиться полного уничтожения тайных (и наказуемых!) абортотворений. Вызывались они разными причинами: и бюрократизмом при разрешении аборта, и недостатком мест в больницах, и желанием иногда скрыть беременность от окружающих и др. В «Правде» за последнее полгодие не раз сообщалось об обнаружении тайных «абортотворений» даже в Москве. Что уж говорить о провинции! Вот только на днях «Труд» сообщил, что «работницы Новоткацкой фабрики нередко заглядывают в соседнюю деревню, где в самых недопустимых условиях с явной опасностью для жизни подвергают себя операции, доверяя ее рукам невежественных бабок» («Труд» от 29-го мая). На следующий день аналогичное сообщение можно было прочитать в той же газете в корреспонденции из поселка Молитовка близ Горького. Это и сейчас широко распространенное явление. Что же будет после запрещения аборта? И в какой обстановке будут тогда производиться абортотворения? Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы отдать себе отчет в чудовищном лицемерии казенной печати, пытающейся обосновать запрещение абортотворения заботой о здоровье миллионов женского населения.

**

В основе намечающейся репрессивной политики лежат совсем иные мотивы. Запрещение абортотворения должно явиться орудием повышения рождаемости, должно действовать на рост населения. Недаром и законопроект

озные советские Вердэны на Дальнем Востоке построены подневольным трудом...

Все уступки колхозному крестьянству не отменили по сей день основного социального факта: что колхозники действительно находятся на полурабском положении, и что они это ясно сознают.

При таком общем положении разве может существенно улучшиться положение преследуемых социалистических, анархистских и коммунистических оппозиционных групп?

Чтобы можно было без помехи и противоречия выдавать бюрократическое государственно-капиталистическое рабство за социализм, бюрократия не допускает никакой оппозиции в стране...

В последнее время положение «политических» во многих отношениях даже ухудшилось.

К двум основным старым бедствиям (административные приговоры без суда и без возможности защиты и механическое добавление новых сроков заключения и ссылки по окончании старых), прибавились теперь и новые. С одной стороны — новые приговоры чуть ли не поголовно направляют людей в концлагерь на принудительные работы наряду с уголовными; в ссылке отнимают пособие, то-есть ведется твердый курс на ликвидацию категории «политических» и на полное приравнение их к уголовным; с другой стороны, иностранные рабочие, революционеры и политэмигранты третируются как пленники, если не соглашаются быть лакеями советской бюрократии и попадают в вечное заточение.

Я не могу не заклеить здесь преследования югославских рабочих: Мустафы Делича, Станка Драгича

и Стефана Хеберлинга, которые уже шесть лет содержатся в советских тюрьмах и ссылках и не выпускаются советским правительством из Союза. В прошлом году арестован и посажен на 10 лет в Суздальскую тюрьму еще один югослав — Воя Вуйович, бывший генеральный секретарь Коммунистического Интернационала Молодежи.

Когда-же, наконец, европейские рабочие и демократы заставят советское правительство покончить с подобным чудовищным издевательством?

В последнее время советское правительство, стремясь придать благовидную форму своей расправе с недовольными иностранными рабочими, политэмигрантами и коммунистами, начало преступно прибегать к страшному обвинению в шпионаже. Так, недавно было расстреляно в России пятьдесят видных польских коммунистов без всякого суда по непроверенному огульному обвинению в пилсудчине, шпионаже и провокаторстве. По мнению самых компетентных и авторитетных представителей рабочего движения Польши, с частью из которых я имел возможность говорить недавно, при проезде через Варшаву во время моего возвращения из России в Европу, — значительная часть расстрелянных, в том числе и один бывший депутат польского сейма, стоит выше всяких подозрений и любая объективная международная комиссия доказала бы преступное легкомыслие выдвинутых против расстрелянных обвинения, если не что-нибудь похуже. В глазах нынешнего сталинского руководства, ведущего националистическую политику, каждый поляк и каждый немец должен быть взят под подозрение, если не прямо считаться «шпионом». В этой психологии я лично скло-

о запрещении аборт, и комментирующие его статьи советской печати так тщательно обходят вопрос о популяризации мер предупреждения беременности, которые могли бы значительно сгладить остроту проблемы аборта. Чем вызвано такое стремление к форсированию роста населения, не совсем ясно. Правда, данные о естественном движении населения уже давно объявлены у нас государственной тайной. Последние опубликованные данные для РСФСР (европ. части) относятся к 1928 г.; по Украине опубликованы данные до 1930 г. включительно. Уже в этих данных заметно сказались сокращение рождаемости, особенно начиная с 1927-1928 гг.; особенно резко это сказилось на Украине, где рождаемость (на 1.000 населения) по годам выразилась в следующих числах:

1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
42,5	42,7	42,1	40,3	38,1	34,1	30,1

Повидимому, это падение кривой рождаемости (а, может быть, и неблагоприятное развитие кривой смертности) и явилось толчком для прекращения публикации текущих данных о естественном движении населения, которые в 1931, 1932 и 1933 гг. должны были бы, вероятно, показать дальнейшее ухудшение. Но, судя по многочисленным частичным сообщениям, опубликованным за последние недели и относящимся к отдельным рабочим поселкам, заводам, колхозам и пр., за последний год, может быть, за последние два года рождаемость вновь выросла. Во всяком случае, по видимому, еще на долгий период не может быть и речи о том, чтобы уровень рождаемости в Советском Союзе упал до катастрофического уровня, не обеспечивающего достаточного естественного прироста населения.

Но если бы это даже было не так, не следует забывать, что постепенное падение рождаемости харак-

терно для всех стран индустриальной и урбанизированной культуры. Борьба с ним репрессиями нелепая и реакционная идея. Здесь нужны совсем другие меры — меры смелой и творческой социальной политики в широком смысле слова. О них еще, может быть, представится случай побеседовать на страницах «С. В.».

Намечающаяся сейчас советская политика населения имеет целью даже не приостановку падения рождаемости, а — гораздо больше — энергичное форсирование роста рождаемости. Вероятно, и на коммунистическом верху, а тем более в среде коммунистических ученых, экономистов, социологов, статистиков, врачей многие отдадут себе отчет в том, что при наших темпах естественного движения населения это безыдейное подражание гитлеровской политике населения (поскольку речь идет о целях этой политики, а не о методах ее осуществления, которые в странах с различной экономической и социальной структурой, с различными бытовыми укладами и различными уровнями культуры, конечно, не могут не отличаться резко друг от друга) является бессмыслицей. Но такова глубокая идея Сталина, а его воля закон. Это редкий случай, когда, повидимому, можно не сомневаться в том, что инициатива намеряющейся новой политики действительно исходит от «отца народов». Сталин неожиданно проявил эту свою новую «установку» несколько месяцев назад на приеме в Кремле бурят-монгольской делегации. Один из делегатов, крестьянка-колхозница, рассказывала здесь о себе: «У меня семья — семеро детей». Сталин перебил ее поощрительной репликой: «Еще бы семья вот бы хорошо!» — Признаюсь, я читал об этом в «Правде» со смешанным чувством возмущения и стыда. — Делегатка оставила высокую реплику без ответа, и в печати — вопреки установившемуся у нас обычаю — она, повидимому, ни разу нигде не цитировалась.

нен предполагать подоплеку чудовищного преступления расстрела пятидесяти польских коммунистов. Зная в некоторой степени приемы и методы ГПУ, могу уверенно сказать: хорошо, если среди расстрелянных было десять или хотя бы пять действительных агентов пилсудчиков. Этот же прием, хотя и в меньшем объеме, применяется и к коммунистам других национальностей. Международное рабочее движение должно добиться возможности контроля, проверки обвинений в «шпионаже», выдвигаемых ГПУ против иностранных рабочих, политэмигрантов и революционеров.

В последние два года, в период «единого фронта» сталинские тюремщики вынуждены были кое в чем изменить приемы, прибегнуть к маневрам. Дело свелось именно к маневрам, т. е. к видимости облегчений, а не к действительному облегчению. Да, часть социалистов, окончивших сроки, получила, после 10-15 лет непрерывных тюрем и ссылок, не новые автоматические приговоры, а «освобождение». Они могли ехать «куда хотят». Это в теории. А на практике им дали волчью паспорт с отметкой, что владелец его — бывший ссыльный. В городах центральной России их не прописывают, на работу не принимают, и «освобожденные» должны были снова возвращаться в районы ссылки, чтобы получить работу, чтобы хоть как-нибудь просуществовать. Мало того. За сохранение личной связи, за личную переписку с товарищами их снова арестовывают и отправляют в ссылку, в концлагери. Так была арестована в Москве и отправлена в концлагерь группа сионистов, только что вернувшаяся из ссылки. «Освобожденная» группа русских с.-д. (Ежов и другие), жившие в поволжских городах, была снова арестована и отправлена в ссылку (в Зап. Сибирь). В Грузии сидит группа грузинских с.-д., только

что вернувшаяся из Сибири. Арестованы были и получили уже новые приговоры также группы «освобожденных» анархистов (Варшавский и др.). Но значительная часть социалистов не получила даже этого мнимого и временного освобождения. Им попрежнему дают сразу, автоматически, новые сроки. Так случилось, напр., в Енисейске с одной группой грузинских с.-д. и армянских дашнаков: два человека из этой группы отправлены в концлагерь, тяжело больной Аветиссиан с женой отправлены в Туруханск, остальные в другие места Сибири. За границей уже известный случай продления срока на пять лет Еве Бройдо, члену Женского Комитета Второго Интернационала.

С оппозиционерами — коммунистами, по правде сказать, и этой возни не требуется: им прямо и поголовно автоматически прибавляют сроки. Чтобы вознаграждать себя за небольшие «поблажки» социалистам, ГПУ пошло даже на серьезное ухудшение положения коммунистов-оппозиционеров — их поголовно направили в 1935 г. в концлагери. «Разделяй и властвуй» — любимый метод ГПУ: вчера были поблажки коммунистам, сегодня круче завинчивали социалистов, сегодня «поблажки» социалистам, прижимают коммунистов...

Но эти маневры ГПУ никого в ссылке и в тюрьмах не обманывают. Социалисты, анархисты и коммунисты, которые в 1929-30 гг. были еще значительно разобщены между собой, успели за эти годы в значительной степени сойтись между собой на общей борьбе за свои человеческие и гражданские права. Этот единый фронт угнетенных и преследуемых групп рабочего движения против сталинских тюремщиков закрепляется и расширяется все больше в Советской России. Его нужно создавать и закрепить и за границей!

А. Цилика.

лась. Но новый взгляд Сталина на женщину, как на родильную машину, был высказан здесь с полной определенностью, и сейчас он находит уже себе выражение в законодательстве.

Новый законопроект не исчерпывается, правда, запрещением аборт в целях понуждения женщин к деторождению. В нем есть и элементы прогрессивной политики. Это широкое развертывание сети родовспомогательных и детских учреждений и расширение законодательства об охране материнства. Но уже совсем другой смысл имеет намечаемая законопроектом и так широко рекламируемая печатью «государственная помощь многодетным». Пособие многодетным выдается лишь на 8-го и последующих детей, причем на 8-го, 9-го, 10-го и 11-го ребенка выдается в течение пяти лет по 2.000 рублей в год, на 12-го и последующих по 5 и 3 тысячи в течение того же срока. Пособие это явно носит характер не принятия на себя государством расхода по содержанию ребенка (такое пособие следовало бы выдавать уже никак не позже, чем при появлении в семье 4-го или 5-го ребенка и размер его мог бы быть, конечно, ниже), а премии за высокую плодovitость. Достаточно сопоставить размер этой премии с жалким пособием на кормление младенца в размере 10 рублей в месяц, чтобы отдать себе отчет в том, что главная цель намечаемых в законопроекте пособий многодетным — заставить матерей, имеющих 3, 4 или 5 детей, наладить, в погоне за премией, «массовое производство» детей. Это какая-то чудовищная «штурмовщина» «на родильном фронте».

**

Законопроект «передан на широкое обсуждение трудящихся». «Правда» захлебывается от восторга по поводу этого неслыханного демократизма: «Только в на-

шей стране, в стране подлинной демократии, а не буржуазного лицемерия, возможно, чтобы правительство, подготовив важнейший закон, прежде чем утвердить его в законодательных учреждениях, проверило правильность и своевременность его у самих трудящихся. Это возможно только в нашей стране, где так безграничны любовь и доверие народа к своему правительству» и т. д. и т. д. Вот уж подлинно: заставь дурака богу молиться, он себе лоб расшибет. Но невольно напрашивается вопрос: ведь совсем недавно, за 9 дней до опубликования законопроекта о запрещении абортов в печати появилось сообщение о принятии пленумом конституционной комиссии «окончательного текста» проекта новой конституции СССР. Почему об этом проекте ничего не слышно? Почему он не передан «на обсуждение трудящихся», любовь и доверие которых к своему правительству так безграничны? Ведь если действительно сколько-нибудь всерьез ставить что-либо «на широкое обсуждение трудящихся», то, казалось бы, это прежде всего должен был бы быть проект конституции. Увы, об этом нет и речи. И я, кажется, не ошибусь, если выскажу предположение, что и самое постановление о передаче на широкое обсуждение законопроекта о запрещении абортов сделано было не без задней мысли: в шумихе новой кампании заставить забыть о засекречивании проекта новой конституции.

И все же даже и придушенное публичное обсуждение проекта о запрещении абортов уже отчетливо выявило, вопреки воле организаторов этой кампании, реакционный и жестокий характер намеченного строгого запрещения абортов, и, повидимому, уже сейчас можно считать несомненным, что ЦИК вынужден будет смягчить эти статьи законопроекта. Игра бюрократии в демократию закончится частичной победой демократии. Для начала и это, пожалуй, неплохо.

С. Шварц.

Под знаком всенародности (О X с'езде Комсомола)

На закончившемся недавно с'езде КСМ не раздалось ничего нового по сравнению с тем, что писалось в течение последних месяцев в комсомольской печати. И все-же с'езд следует считать значительным событием. На нем получила яркое выражение методически осуществляемая Сталиным политика подведения всенародного базиса под диктатуру. КСМ перестраивается в связи с готовящейся реформой советской конституции.

Желание установить тесную связь между диктатором и широкими слоями населения ведет к двум, как-бы противоположным результатам: к сужению самого понятия диктатуры и к расширению кадров, образующих опору аппарата власти. С одной стороны мы имеем персонализацию диктатуры в лице Сталина, с другой — оформление «советского народа». И то и другое требует преобразования официальной идеологии, что и имело место на с'езде.

Бросается в глаза противопоставление вождя Сталина вождям, так сказать, местного масштаба и возведение первого на недостижимый пьедестал. Не было делегата, который бы в выступлении на с'езде не сослался на своего местного вождя. — Под руководством испытанного большевика, имя рек, мы добились того-то и того-то, — пестрило во всех речах. За этот культ вождя делегатам досталось от центральных работников КСМ, укорявших местных деятелей союза в угодничестве, подхалимстве и пр. прегрешениях. Вместе с тем ни один из руководителей КСМ, никто из почетных

гостей, будь то Шмидт, Алексей Толстой или Корней Чуковский не позабыл вставить в свою речь панегирик вождю вождей, Сталину. В чем же провинились провинциальные делегаты? Они лишь сделали вывод из культуры вождя, внедряемого в умы советских граждан. Но в том то и дело, что в «вождизме» повинны только те, кто славословят, так сказать, местного Сталина. Ибо советский народ имеет одного вождя. Установление иерархии локальных вождей нарушает это единство.

Но если благодать диктатуры почиет на одном лишь Сталине, если последний воплощает в себе единство революционной нации, то должен быть развенчан класс, до сих пор — пусть лишь на бумаге — считавшийся носителем и источником власти в Советской России. Идеология диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства должна быть сдана в архив. Самый факт ее существования означает принципиальное признание за рабочим классом каких-то высших прав, нарушающих прерогативы подлинного диктатора — Сталина. С другой стороны, лишние пролетариата его бумажных привилегий имеет большое реальное значение. Оно подымает самосознание остальных слоев населения и создает из них новые резервы приверженцев власти.

Ликвидация идеологии диктатуры пролетариата обостряется тем, что в стране развернутого социалистического строя все стали трудящимися, и классовое расслоение общества исчезло. Но как быть с фактами, не укладывающимися в такую схему и слишком очевидными, чтобы их можно было обойти молчанием? На с'езде

говорилось, напр., о засоренности актива КСМ чуждыми элементами. А член ЦК ВКП А. Андреев должен был заявить: «Верно, что эксплуататорские классы у нас уничтожены. Но остатки этих классов еще имеются, они иногда залезают в самые ответственные и чувствительные места нашего советского организма...» (Комс. Пр. 21 апреля). Но и делегаты съезда и А. Андреев имели в виду политическую неблагонадежность тех или иных работников КСМ и советского аппарата, а не их социальное происхождение. «Не надо забывать, что враг иногда может быть по происхождению и рабочим... Нам сейчас прежде всего важно знать не среду, из которой ты вышел, а как ты работаешь на пользу нашей родины», — говорил секретарь ЦК КСМ Украины, С. Андреев («К. Пр.» 17 апреля. Разрядка наша. — Б. С.). Таким образом, проблема классового расслоения советского общества элиминируется, во главу угла ставится вопрос об отношении того или иного лица к линии, проводимой господствующей партией, и тезис об исчезновении классов в современной России остается непоколебленным.

Раз классов больше нет, теряет смысл сохранение прежнего характера КСМ. Союз должен стать огромным резервуаром, вмещающим всю русскую молодежь и формирующим из нее послушных исполнителей предначертаний диктатора. Член ЦК ВКП Андреев, речь которого мы цитировали выше, разъяснил съезду: «До сих пор КСМ считал себя по преимуществу пролетарской организацией, теперь он становится более широкой организацией, организацией всей передовой советской молодежи — рабочих, колхозников, служащих и учащихся». X-й съезд утвердил предложение производить прием членов, не считаясь с их социальным происхождением. Предвосхищая решение съезда, «К. Пр.» (2 апреля) писала: «Если кулацкие дети показали свою преданность делу советского народа, то не может быть речи о каком-либо ограничении их прав из-за социального происхождения». А на самом съезде секретарь ЦК КСМ уже издается над не успешными в 24 часа приспособиться к новому курсу: «Наши горе-активисты додумались до того, что потребовали от одной девушки представления справок о социальном происхождении ее дедушки». Точно подобные требования не были совсем еще недавно чем то само собой разумеющимся!

Социалдемократия никогда не придавала чистоте «пролетарского происхождения» того значения, что большевики. «Пролетарская» демагогия всегда была ей глубоко чужда. И если бы речь шла о том, что отныне господствующая партия отказывается от деления русских граждан на чистых и нечистых по признаку социального происхождения, то социалдемократия только приветствовала бы подобный шаг. Но такой отказ без одновременного восстановления политической свободы лишен благодетельного значения. В условиях диктатуры он ведет лишь к перенесению центра опоры советской власти в иные, не-пролетарские, слои населения. Он означает не восстановление прав граждан, а усугубление существующего бесправия. В этом направлении идет решение съезда — в новой программе КСМ не уделять места вопросам охраны труда подростков. В новой программе раздел о труде молодежи, в отличие от прошлой программы, где он занимал чуть ли не центральное место, отсутствует. Он отсутствует потому, что для нас эти вопросы уже решены, потому, что нам нет нужды выдвигать какие-либо требования по вопросам труда молодежи» («К. Пр.» 21 апреля, доклад Файнберга, секретаря ЦК КСМ).

Курс на «всенародность» диктатуры встречает активную поддержку в рядах комсомольской бюрократии. Ру-

ководители КСМ — типичные представители поколения пользователей октября (59,2% делегатов старше 25 лет. «К. Пр.» 22 апреля). Выварившись в котле пятилетки, они утратили прежний задор и как-бы осели. Стремление к устойчивости быта владеет ими с необычайной силой. Все они люди с положением и стремятся закрепить за собой завоеванные с таким трудом социальные позиции. Они легко становятся рупором тех кругов русского населения, которые стремятся к спокойствию, к порядку и к ликвидации перманентной ломки. Отсюда иное отношение к семье, подчеркивание уважения к старшим. «Товарищ Косарев», которого все тыкали, превращается в «Александра Васильевича», к которому обращаются на вы. Внутренняя успокоенность руководителей союза опять-таки гармонирует со струей консерватизма, пробивающейся на поверхность советского общества. Интересно в этом отношении остановиться на литературных вкусах, культивируемых КСМ. Маяковский еще пользуется всеобщим признанием — Сталин отозвался о покойном поэте с похвалой. В остальном же всякое новаторство отвергается. В своем рвении идти вровень с эпохой вождей КСМ впадает в классицизм: признаком хорошего тона в их среде считается сослаться на Белинского или Добролюбова. Все новейшее развитие литературной критики для них не существует. Дальше реалистического романа утихомирившиеся революционеры не идут. Забыты прежние кумиры. На X-ом съезде не выступал ни один из так называемых комсомольских поэтов и писателей. Еще накануне съезда редакция К. Пр. (7 марта) похоронила их заживо: «Ведь не исчерпывается (героическое прошлое КСМ) «комсомольей»... Безыменский, Жаров, Уткин, Альтгаузен, утратив свою раннюю свежесть и свою связь с комсомольскими массами, приобретая лишь ремесленное умение «делать стихи» и выполнять «социальный заказ», обескровили тем самым свое творчество». Для сравнения стоит вспомнить одну из статей той же Ком. Правды за 27 или 28 гг., в которой попало какому-то историку литературы только за то, что он не упомянул в своей книжке некоего Герасима Фейгина, поэта-комсомольца, прославившегося, если не ошибаемся, героической смертью при подавлении кронштадтского восстания.

Эволюция верхушки КСМ не могла не отразиться на ее отношении к пролетариату. Став частью господствующего сословья, руководящие кадры союза, неподчиненные никакому общественному контролю, перестают чувствовать себя частицей трудящихся классов, из недра которых они вышли. Узаконение термина «советский народ» им по душ, ибо это единственный для них способ легализовать создавшееся после революции положение вещей. Они-то ведь давно уже не рабочие, а тем не менее стремятся играть первую роль в стране «диктатуры пролетариата». Они будут продолжать свое дело в качестве части «советского народа».

До какой степени забвения своего недавнего прошлого и презрения к «меньшему брату» доходят некоторые группы комсомольцев, показывают следующие два предложения, сделанные в период обсуждения проекта нового устава. Один проект предлагал ввести обязательный ценз в объеме семилетки для поступления в КСМ; другой — образовательный ценз (семилетка плюс совпартшкола) для секретарей райкомов (К. Пр. 6 марта).

Таковы те конкретные очертания, которые приобретает курс на «всенародность» в рамках КСМ. Многие комсомольцы, твердо усвоившие основы прежней идеологии и не желающие от нее отказываться по приказу свыше, не на шутку встревожились. Предложение открыть двери союза всей молодежи, независимо от социального происхождения, натолкнулось на возражения

а кое-где и на активное противодействие. «Новый устав неправильно трактует вопрос о приеме и слишком широко открывает двери в наш союз» (разбивка наша — Б. С.), — заявил один из комсомольцев при обсуждении проекта устава в Москве на заводе № 94 (К. Пр. 11 марта). «Мне кажется, что служащая молодежь гораздо грамотнее рабочей и колхозной молодежи... следует все-же регулировать прием в КСМ», пишет редакция К. Пр. секретарь одной из ячеек КСМ на М. Б. Б. ж. д. (К. Пр. 22 марта). Не было недостатка в предостережениях подобного же рода и на самом съезде (К. Пр. 23 апреля).

Не меньшее смущение вызвала ревизия классовый идеологии КСМ. Так, напр., комсомольцы Электрокомбината не понимают, «почему в программе написано «общенародные интересы», а не классовые интересы» (К. Пр. 29 марта). «Что это за «противонародные влияния»? Почему нельзя было сказать вместо «противонародные» — «анти-пролетарские влияния»? — спрашивают редакцию К. Пр. из Тулы (3 апреля).

Немало комсомольцев не мирится с сужением политического горизонта, навязываемым союзу. «Все присутствующие... знают, как много вопросов задавала молодежь на предприятиях, в совхозах и колхозах, в школах, в учреждениях о том, можно ли построить коммунизм в одной стране» (К. Пр. 20 апреля, разбивка наша. — Б. С.), говорил на съезде секретарь МК КСМ Лукьянов.

Некоторые делегаты безуспешно пытались добиться от съезда усиления в программе моментов, трактующих вопросы международного рабочего движения. «В проекте программы нет ни слова о том, что представляет собой фашизм, а программа ленинского КСМ должна воспитывать нашу молодежь в духе непримиримой ненависти к фашизму» (из речи секретаря Ивановского обкома, Парижера, К. Пр. 23 апреля). Делегат Куйбышевского края настаивает на необходимости более резко оттенить роль и значение КСМ для международного юношеского коммунистического движения и кроме того предлагал вставить в программу, что «великая октя-

брьская революция в России положила начало мировой пролетарской революции» (К. Пр. 24 апреля).

Нельзя не признать, что во многих из приведенных оппозиционных выступлений, продиктованных, несомненно чувством законной тревоги за судьбы русского пролетариата, слышится голос узкого класса эгоизма. Он мешает понять, что голое отрицание реформ, проводимых Сталиным, в корне ошибочно. Такое отрицание изолирует рабочий класс от своих естественных союзников и уводит его с широкой арены политической борьбы. Между тем, пока итоги революции окончательно не подведены, сознательные пролетарии не должны толкать своих братьев по классу к отказу от борьбы за наиболее выгодную, с точки зрения социализма, ликвидацию революции. Линия, проводимая Сталиным, создает достаточные зацепки для реалистической политики рабочего движения. Попытка вовлечь в орбиту влияния диктатуры широкие слои населения заставляет официальные круги, быть может, вопреки собственной воле, будить в массах мысли, могущие стать отправным пунктом поступательного развития. Так, напр., желая отучить комсомольцев от восхваления местных вождей и упрочить тем самым сталинопочитание, член ЦК КСМ Коротяев вынужден был обратиться к делегатам съезда со следующим призывом: «...Надо воспитывать в нашей молодежи высокое чувство личной гордости и сознания своих гражданских и политических прав» (К. Пр. 24 апреля, разбивка наша. — Б. С.).

Законно встревоженные новым курсом, комсомольцы, сохранившие преданность трудящимся, должны понять, что интересы рабочего класса вовсе не требуют закрепления за ним на бумаге каких-либо привилегий. Только политическое раскрепощение обеспечит народным массам влияние на ход государственных дел. И чем скорее активные комсомольцы скажут, что вся беда в отсутствии политической свободы в стране, тем ближе они будут к разрешению задачи, стоящей перед всем международным и российским пролетариатом: спасения русской революции от грозящих ей опасностей.

Б. Сапир.

Евреи и арабы в Палестине

События в Палестине приняли чрезвычайно серьезный характер. После кровавых дней 19-20-го апреля в Яффе, где было убито 14 евреев, арабские организации объявили всеобщую забастовку, которая продолжается до настоящего дня, сопровождаясь нападениями, убийствами и поджогами. Страна находится в состоянии чрезвычайного возбуждения, и только вмешательство английской военной силы поддерживает в ней видимость внешнего порядка.

Не подлежит сомнению, что события в Палестине находятся в известной связи с тем большим движением, которое за последнее время под влиянием италянско-абиссинской войны охватило арабско-мусульманский мир. Успехи арабского националистического движения в Египте и в Сирии не могли не отразиться и на Палестине. Но основной чертой палестинских событий является тот факт, что национально-арабское движение направлено здесь не столько против Англии, сколько, в первую очередь, против живущих в Палестине евреев. Национальное движение носит тут характер внутренней борьбы между двумя основными элементами туземного населения — арабским большинством и еврейским меньшинством (в Палестине числится сейчас около 950.000 арабов и 400.000 евреев).

Нынешний конфликт уже не первый в истории взаимоотношений между арабами и евреями в Палестине в после-военное время: в памяти свежи еще кровавые события 1929 года! Однако, столкновения эти никогда еще не принимали такого тяжелого и серьезного характера, как сейчас. Их прямой причиной является усиленная еврейская иммиграция, имевшая место за последние годы (за три года, с 1933 по 1935 в Палестину вселилось из Центральной и Восточной Европы круглым счетом 150.000 евреев).

Этот массовый прилив евреев в Палестину, объясняемый теми преследованиями, которые обрушились на евреев в Германии и ряде стран Восточной Европы, имел огромное значение для еврейской колонии в Палестине. Он в частности в чрезвычайной степени открыл надежды сионистов на то, что Палестина сможет в короткий срок превратиться в страну с еврейским большинством и, благодаря этому, стать серьезным фактором для разрешения еврейского вопроса вообще. Но эти по существу весьма утопические сионистические надежды вызвали крайне резкую реакцию в среде арабских националистов. Лидеры арабского движения, которые с первого же момента протестовали против знаменитой «декларации Бальфура», обещав-

шей от имени английского правительства организацию «еврейского очага» в Палестине, начинают все настоятельнее протестовать против угрозы майоризирования арабов евреями и выставляют очередным лозунгом движения — запрещение еврейской иммиграции в Палестину.

В противовес этому сионистская организация настаивает на дальнейшем расширении иммиграционных возможностей для евреев. Их аргументы двоякого рода. Они, с одной стороны, указывают на жестокие преследования, которым подвергаются евреи в ряде европейских стран и на невозможность для них эмигрировать в заокеанские страны, благодаря существующим там ограничениям иммиграции. Они, с другой стороны — ссылаются на тот огромный экономический и культурный подъем, который переживает Палестина, благодаря еврейской иммиграции, благодаря импорту еврейских капиталов, промышленников, инженеров, врачей и т. д. Евреи указывают на то, что этот экономический и культурный подъем коснулся и арабского населения: арабский крестьянин получил новый рынок для сбыта своих продуктов по выгодным ценам; арабская экономическая жизнь была оплодотворена еврейскими капиталами; санитарные условия были улучшены и смертность понижена, благодаря мероприятиям, проведенным еврейскими организациями, и т. д.

Во всех этих утверждениях, вне сомнения, много правды. И тем не менее, как раз в период этого подъема с особенной силой разгорается арабско-еврейская вражда. Это объясняется тем, что конфликт между евреями и арабами носит по преимуществу чисто национальный характер и является по своему содержанию спором о том, останется ли Палестина арабской, или же превратится в страну с господствующим еврейским большинством.

Упорная борьба арабов, заметный рост их национального движения и национальной организованности в незначительной степени являются последствием именно того экономического и культурного подъема Палестины, на который ссылаются евреи. Ввоз еврейских капиталов в страну, а в не меньшей степени и культурные мероприятия английской администрации, открывающей все большее количество арабских школ, содействующей развитию арабской интеллигенции и т. п., способствовали нарастанию арабского национального движения и усилению национальной организованности палестинских арабов. Насколько арабское национальное движение выросло и созрело за последнее время показывает как раз последняя забастовка, проводимая с редким упорством и единодушием. Всего еще несколько лет тому назад такое движение было бы в Палестине совершенно невозможно.

Нация против нации! Арабский национализм против еврейского национализма! И этот национальный тупик не может быть разрешен противопоставлением морально-политических и исторических аргументов. Для арабского национализма никогда не явятся убедительными ссылки евреев на их исторические права в Палестине, указание на экономическую пользу, приносимую евреями арабскому населению, апеллируя к чувству сострадания по отношению к жестоко преследуемому еврейству и т. п., — подобно тому, как еврейский национализм или сионизм никогда не признает правильными арабских доводов о праве не уступать свою территорию иноземным пришельцам, о нежелании добровольно из большинства превратиться в меньшинство в стране, возделанной потом и кровью арабских крестьян и т. п.

Между евреями и арабами в Палестине разверзлась пропасть, и единственным арбитром, кое-как поддерживающим возможность какого-то сожительства, является одна только оккупационная английская власть. Ни

среди арабов, ни среди евреев нет пока, к сожалению, ни такой общественной силы, ни такого общественно-политического движения, которое могло бы играть роль примирителя и разрешителя этого туго затянувшегося клубка национальных противоречий.

Арабское национальное движение находится целиком в руках арабских националистов из среды господствующих классов, — самостоятельного арабского рабочего движения пока не существует. Палестинская секция Коминтерна целиком поддерживает арабских националистов и ведет борьбу не только против английской оккупации, но и против еврейского населения. Иные коммунистические прокламации почти ничем не отличаются от анти-еврейских воззваний арабских националистов. Дело дошло до того, что, напр., еврейская подсекция компартии Франции была вынуждена публично отмежеваться от выступления палестинских коммунистов.

Но и в еврейском рабочем движении Палестины очень силен националистический дух. Приходится, к сожалению, констатировать, что организованные еврейские рабочие Палестины ведут чисто-националистическую политику и, несмотря на все свои заявления и постановления, фактически не предприняли ни разу с серьезной попытки сговора с пролетарскими элементами среди арабов. Скорее наоборот: борьба еврейских рабочих организаций за полное недопущение арабского труда в еврейских колониях и вообще в еврейских предприятиях не могла не внести отчуждения между арабскими и еврейскими рабочими, и неизбежно должна была толкнуть арабских рабочих в объятия арабских националистов. Еврейские рабочие то и дело демонстрируют против принятия арабских рабочих на еврейские предприятия, и нередко добиваются увольнений уже занятых там арабов. Мудрено ли, что за последнее время арабские рабочие в Яффе потребовали недопущения еврейских рабочих?

Нация против нации! При столь обостренных взаимоотношениях все больше растет взаимное недоверие и взаимная рознь. И это тормозит даже те ограниченные возможности политического развития Палестины, которые там за последнее время намечаются. Опасаясь арабского большинства, еврейское население всеми силами противится созданию Законодательного Совета, который при нормальных условиях мог бы явиться первым шагом к осуществлению самоуправления Палестины. С другой стороны, среди арабского населения ходят слухи, что евреи хотят «выжить арабов из Палестины», и массы, при создавшейся атмосфере взаимной отчужденности, слухам этим верят.

Было бы большой ошибкой думать, что арабско-еврейский конфликт может быть разрешен мерами административно-полицейского характера. Интересы Англии в этом конфликте далеко не однозначны, и потому большой ошибкой является исключительная ориентация сионистских кругов на вооруженную силу Англии. Есть только один единственный путь к разрешению еврейско-арабской проблемы: соглашение между евреями и арабами. Но это соглашение может состояться лишь на почве взаимных уступок и компромиссов.

С точки зрения отвлеченной справедливости сионисты совершенно правы, когда заявляют, что несправедливо закрывать иммиграцию в страну, в которой еще имеется достаточно свободного места, для нации, которая нигде в мире не имеет своего уголка. Но вряд ли можно отказать в справедливости и ответу арабов, что аргумент о свободной иммиграции в гораздо большей степени приложим к Австралии, Канаде или Соед. Штатам Америки, чем к маленькой Палестине, в которой уже относительно большое население. В самом деле, плотность населения в Палестине составляет 50 душ на кв. км. Если не считать необитаемых пустынь

на юге страны, то средняя плотность населения окажется около 75-80 душ, что приблизительно равняется плотности населения в большинстве стран Вост. Европы или на Балканах. Неправильно также изображать дело так, будто Палестина пустынная и заброшенная страна, которая до прихода сионистов никем не обрабатывалась. Арабский феллах трудолюбивый работник, и он добывает из своего клочка земли все, что возможно при том уровне техники, которым он располагает. Нельзя сравнивать арабов с краснокожими Северной Америки или с африканскими племенами, занимавшими, никак их не используя, гигантские пространства земли. Само собой разумеется, что и в Палестине еще возможно, при улучшении сельскохозяйственной техники и развитии городов, значительное уплотнение населения. Но это справедливо и по отношению ко многим аграрным государствам Европы. Надо помнить, что средние размеры крестьянского хозяйства в Палестине значительно меньше, чем, напр., во Франции или Германии. Наличие свободной земли в Палестине ничтожна, и потому понятно, что цены на землю за последние годы колоссально поднялись.

Тем не менее, несмотря на несовместимость аргументации арабов и евреев, не исключена возможность сговора и мирного сожительства обеих наций. Но для этого необходима на обеих сторонах воля к соглашению и отчетливое понимание реальной действительности. Палестина нуждается в притоке европейского капитала и в европейской технике. Этот приток может быть при данных условиях осуществлен через еврейскую иммиграцию. Но нельзя закрывать глаза и на то, что эта иммиграция уже по чисто экономическим причинам, не говоря уже об интересах международного мира, должна держаться в очень узких пределах. Массовая иммиграция последних лет значительно превзошла экономическую емкость страны и создала положение, при котором могут возникнуть серьезные затруднения. Ненормальность этого положения находит свое выражение в колоссальной пассивности внешней торговли Палестины. Еврейское население Палестины производит всего 40-50% своего собственного потребления, как аграрного, так и промышленного. Не больше 10-12% еврейского населения заняты в сельском хозяйстве. Должно пройти еще много лет, прежде чем будет нормализовано то еврейское население, которое уже имеется в стране. О продолжении массовой иммиграции в прежнем масштабе не может быть и речи, ибо уже теперь обнаружались признаки экономической депрессии, и может быть именно эта депрессия в некоторой степени способствовала обострению настоящего конфликта.

Для того, чтобы найти выход из создавшегося тупика, необходимо прежде всего освободиться от иллюзий, которые, не давая ничего положительного, способствовали превращению Палестины в многомиллионный еврейский центр надо оставить. Это невозможно было бы уже колонию надо оставить. Это невозможно было бы уже по чисто экономическим соображениям, это превращается в совершенную утопию, если принять во внимание сопротивление арабского населения. Нужно помнить, что сплоченное, решительное противодействие арабского населения делает вообще невозможной сколько-нибудь серьезную с.-х. колонизацию евреев в Палестине: ведь 90% палестинской земли находится в арабских руках. Атмосфера обостренной борьбы уже сейчас делает невозможным для еврейских колонистов жить в арабских местностях. Что-же будет дальше? Дальнейшее продолжение беспорядков, саботажа и национальной борьбы затруднит и приток капиталов, и тогда неизбежны хозяйственные потрясения. Отсюда следует, что не только по принципиальным мотивам, но и по мотивам практического характера еврейские орга-

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten.

Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».

низации вынуждены искать соглашения с арабами, составляющими подавляющее большинство населения. Сионистская организация должна отказаться от планов еврейской гегемонии в Палестине. А еврейские рабочие в Палестине должны отказаться от той борьбы против арабского труда, которую они вели до сих пор, и которая, не давая реальных практических результатов, была чрезвычайно вредной и опасной в национальном отношении.

Если статья на эту позицию и перестать свои упования возлагать на военную силу Англии, которая фактически никогда не может себе позволить роскоши постоянного конфликта с пан-арабским движением, тогда может быть, создастся и основа для еврейско-арабского соглашения. Только на этом пути лежит выход из арабско-еврейского конфликта, который в своем продолжении может выродиться в войну взаимного истребления.

А. Менес.

ПО РОССИИ

Москва. — Слухи вокруг «новой конституции». — Скептики и оптимисты готовятся к войне. — Психологическая подготовка.

В связи с «демократизацией» и новой конституцией у нас очень много всяких слухов. Говорят о разных проектах амнистии. В частных беседах некоторые коммунисты уверяют, что вскоре будут заложены начала действительной демократии, обеспечивающей всем трудящимся свободу течений и мнений. «Теперь советская власть столь сильна, что может позволить даже троцкистам их агитацию: никто за ними не пойдет, разве лишь десяток неистовых поклонников Льва Обиженного». Но большинство настроено более скептически. «Не следует, мол, переоценивать предстоящих реформ, в новые меха будет налито, в основном, старое вино». Приводят пример с переименованием ГПУ. При демократической

по форме конституции можно фактически сохранить диктаторский режим. Более дальновидные отмечают, что новые формы будут массами инстинктивно использованы для борьбы за настоящую демократию, что новая конституция даст, как ни как, некоторый простор для **самодеятельности** трудящихся.

В последнее время в верхах вновь проявляют нервность, вновь усилились слухи о скорой войне. На западном фронте производятся грандиозные работы по охране границ, при этом, как это сейчас принято в Союзе, реализуются самые совершенные в техническом отношении проекты обороны. На восточном фронте работы по проведению стратегических жел.-дорожных путей закончены, нужные перегруппировки войск и вооружения сделаны. Центр внимания сейчас переносится к психологической подготовке Китая. В советских кругах убеждены, что на этом театре война может возникнуть в самый неожиданный момент, и что громадную роль сыграет в ней Китай. За то, чтобы иметь на своей стороне наиболее влиятельные силы китайских генералов и политических вождей, и идет сейчас **борьба между СССР и Японией**.

Еще большую тревогу и внимание вызывает подготовка тыла внутри страны. Сейчас ни одна крупная реформа в СССР не принимается без оценки ее влияния на психологию широких масс, главным образом, крестьянства. Если угроза войны станет реальным фактором, то, по убеждению всех, либеральные мероприятия еще более усилятся.

За последние дни у нас много говорят о французских делах, но об этом в другой раз.

А.

8 июня 1936 г.

ИЗ ПАРТИИ

ПАРТИЙНЫЕ ОТКЛИКИ.

Нам пишут:

«Большинство откликов на тезисы Загр. Делегации «О войне» с ними солидаризуется. Отдельные товарищи делают ряд замечаний по поводу формулировок, но и они считают позицию сформулированную в тезисах **правильной** и приемле-

мой. Только один из товарищей занял совершенно иную позицию. Он считает, что **безусловная поддержка** советской власти даже в условиях военной опасности, не должна иметь места, тем более, что в случае войны можно ожидать сокращения и без того чахлах ростков демократии. Во всяком случае надо считать документ этот вполне своевременным и хотя несвободным от некоторых недостатков, но все же вносящим ясность в наше отношение к войне. Приходится лишь пожелать, чтобы на базе этих позиций и в Интернационале сгруппировалось устойчивое большинство, которое, в условиях единого фронта, могло бы действительно стать серьезным фактором мира или по крайней мере ослабить военную и фашистскую опасность.

...В нашей среде в последнее время подымается отдельными товарищами **вопрос о консолидации** революционно-опозиционных элементов для подготовки базы для будущей рабочей партии. Высказывается мнение, что с троцкистами, как элементами наиболее активными и революционными, возможны отдельные соглашения для совместной борьбы...

...Политика проводимая нашей партией в Исполкоме РСИ по вопросу о «**единстве действий**» с коммунистами нами приветствуется. Считаю правильным, что русская проблема ставится в качестве «предварительного условия». Но, конечно, необходимо, чтобы социалистические партии и вся пролетарская общественность не забыли о существующем в СССР режиме и о наших томящихся в ссылке товарищах.

М.

Июнь 1936 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/5, 7/6.

Отослано: № № 12, 13, 14.

ОТ РЕДАКЦИИ.

За недостатком места отложена до следующего номера статья тов. В. Александровой «Первый вал».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

тиски социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуца), 8) B. Sowarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно